

РАДОСТЬ ИСКУССТВУ

I

Наше искусство очистим ли? Что возьмем? Куда обратимся? К новым ли перетолкованиям классицизма? Или сойдем до античных первоисточников? Или углубимся в бездны примитивизма? Или искусство наше найдет новый светлый путь «неонационализма», овеянный священными травами Индии, крепкий чарами финскими, высокий взлетами мысли так называемого славянства? Сейчас еще не остановлюсь на, может быть, загадочном слове «неонационализм». Нужны дела, — еще рано писать манифест этому слову. Всех нас бесконечно волнует — откуда придет радость будущего искусства? Радость искусства — о ней мы забыли — идет. В последних исканиях мы чувствуем шаги этой радости.

Среди достижений выдвигается одно счастливое явление. С особенной остротой вырастает сознание о настоящей украшаемости «декоративности». О декоративности как единственном пути и начале настоящего искусства. Таким образом, опять очищается мысль о назначении искусства — *украшать*. Украшать жизнь так, чтобы художник и зритель, мастер и пользующийся объединялись экстазом творчества и хоть на мгновение ликовали чистой радостью искусства.

Можно мечтать, что именно исканиями нашего времени будут отброшены мертвые приатки искусства, навязанные ему в прошлом веке. В массах слово *украшать* будто получает опять обновленное значение. Из порабощенного, служащего искусство вновь может обратиться в первого двигателя всей жизни.

Драгоценно то, что культурная часть общества именно теперь особенно настойчиво стремится узнать прошлое искусства. И, погружаясь в лучшие родники творчества, общество вновь поймет все великое значение слова *украшать*. В огне желаний радости — залог будущих ярких достижений. Достижения эти сольются в апофеозе какого-то нового стиля, сейчас немислимого. Этот стиль даст какую-то эпоху, нам совершенно неведомую. Эпоху, по глубине радости, конечно, близкую первым лучшим началам искусства. Машины будущего — искусству не страшны. Цветы не расцветают на льдах и на камне. Для того чтобы сковалась стройная эпоха творчества, нужно, чтобы вслед за художниками все общество приняло участие в постройке храма. Не холодными зрителями должны быть все люди, но сотрудниками работы. Такое мысленное творчество освятит все проявления жизни и будет тем ценным покровом холодных камней, без которого корни цветов высыхают.

Пусть будет так, пусть все опять научатся радости.

Судьба обращает нас к началам искусства. Всем хочется заглянуть вглубь, туда, где сумрак прошлого озаряется сверканием истинных украшений. Украшений, повторенных много раз в разные времена, то роскошных, то скромных и великих только чистотою мысли, их создавшей.

Счастливое прошлое есть у всякой страны, есть у всякого места. Радость искусства была суждена всем.

С любой точки земли человек мог к красоте прикасаться.

Не будем слишком долго говорить о том, почему мы сейчас почти разучились радоваться искусству. Не будем слишком мечтать о тех дворцах света и красоты, где искусство делается действительно нужным. Теперь мы должны посмотреть, когда именно бывала радость искусства и на наших землях. Для будущего строительства эти старые вехи сделаются опять нужными.

Не останавливаясь на обычных исторических станциях, мы пройдем поступью любителя к началам искусства. Пройдем не к позднейшим отражениям, а туда — к действительным началам. Посмотрим, насколько эти начала близки нашей душе. Попробуем решить: если бы мы, такие как мы есть, могли переместиться в разные далекие века, то насколько бы мы почувствовали себя близкими в них бывшему искусству. Гениальных детей или мудрецов можем мы увидеть? Не будем описывать отдельных предметов, не будем их измерять и объяснять. Такие навязанные измерения могут обидеть их прежних авторов и владельцев.

Сейчас нам нужно наметить главные вехи радости искусства. Не измерение, а впечатление нужно в искусстве. Без боязни преемственности строго сохраним принцип, что красивое, замечательное, благородное всегда таким и останется, несмотря ни на что. Клевета не страшна. Согласимся отбросить все узконациональное. Оставим зипуны и мурمولки. Кроме балагана, кроме привязанных бород и переодеваний, вспомним, была ли красота в той жизни, которая протекала именно по нашим территориям.

Нам есть что вспомнить, ценное в глазах всего мира.

Минуем отступления и заблуждения в искусстве, которыми полно еще недавнее прошлое. Многие постороннее, что успело в силу нехудожественного принципа войти в искусство, нужно суметь забыть поскорее. Желая радоваться, мы не должны останавливаться на порицаниях. И без того когда говорят о современном искусстве, то больше обращают внимание на темные, нежели на радостные, стороны дела. В чрезмерных занятиях порицаниями чувствуется молодость России. В то время как Запад спешит мимо маловажных вещей к замечательному, мы особенно усидчиво остаемся перед тем, что нам почему-либо не нравится. При этом «почему-либо» выходит за всякие возможные пределы, и слишком часто мы легкомысленно говорим о личностях, тем самым попирая дело. В таком проявлении молодости никто, конечно, не сознается, но факт остается непреложным: для сознания значения и полезности нам все еще необходима утрата. Один из последних ужасающих примеров: Врубель, избранный академиком только после слепоты, мало признанный критикой, пока болезнь не остановила рост его искусства¹.

Сами того не замечая, многие слишком думают о том, как бы уничтожить, а не о том, как создать. Поспешим к радостям искусства.

Поспешим в трогательные тридцатые годы. Мысленно полюбуемся на прекрасные, благородные расцветы александровского времени. Восхитимся пышным, истинно декоративным блеском времени Екатерины и Елизаветы. Изумимся непостижимым совмещениям Петровской эпохи. По счастью, от этих времен сохранилось еще очень многое, и они легче других доступны для изучений и наблюдений. Сейчас мы имеем

¹ Так в издании 1914 г. (Ред.)

таких исключительных выразителей этих эпох. Пройдем же туда, где еще так недавно искусство считалось только порабощенным, скромным служителем церкви.

Думая о старине, мы должны помнить, что настоящее понимание допетровской Руси испорчено. Чтобы вынести оттуда не петушиный стиль, чтобы не вспомнить только о дуге и рукавицах, надо брать одни первоисточники. Все перетолкования прошлого века должны быть забыты. Церковь и дом северного края мы должны взять не из чертежа профессора, а из природы, может быть, даже скорее из скромного этюда ученика, который не решился «по-своему» исправить своеобразное выражение старины. Богатство царских покоев — не из акварелей Солнцева, а только мысленно перенося в жизнь сокровища Оружейной палаты. Если сейчас мы вспомним Архитектурный музей Академии художеств, то ужаснемся, по каким образцам ученики вынуждены узнавать интересное прошлое и чем эти образцы и теперь пополняются. Сознаемся, что в допетровской Руси среди драгоценностей, одежд, тканей и оружия много европейской красоты. Все это настоящим способом декоративно.

Как магически декоративны чудотворные лики! Какое постижение строгой силуэтности и чувство меры в стесненных фонах. Лик — грозный, Лик — благостный, Лик — радостный, Лик — печальный, Лик — милостивый, Лик — всемогущий.

Все тот же Лик, спокойный чертами, бездонный красками, великий впечатлениями — Чудотворный.

Только недавно осмелились взглянуть на иконы, не нарушая их значения, со стороны чистейшей красоты; только недавно рассмотрели в иконах и стенописях не грубые, неумелые изображения, а великое декоративное чутье, овладевшее даже огромными

плоскостями. Может быть, даже бессознательно авторы фресок пришли к чудесной декорации. Близость этих композиций к настоящей декоративности мы мало еще умеем различать, хотя и любим исследовать черты, и детали, и завитки орнамента старинной работы. Какой холод наполняет часто эти исследования! Иногда, слушая рассуждения так называемых специалистов, даже желаешь гибели самых неповинных прекрасных предметов; если они могли вызвать такие противохудожественные суждения, то пусть лучше погибнут.

В ярких стенных покрытиях храмов Ярославля и Ростова какая смелость красочных выражений!

Осмотрите в храме Ивана Предтечи в Ярославле. Какие чудеснейшие краски вас окружают! Как смело сочетались лазоревые воздушнейшие тона с красивой охрой! Как легка изумрудно-серая зелень и как у места на ней красноватые и коричневатые одежды! По тепловатому светлomu фону летят грозные архангелы с густыми желтыми сияниями, и белые их хитоны чуть холоднее фона. Нигде не беспокоит глаз золото, венчики светятся одной охрой. Стены эти — тончайшая шелковистая ткань, достойная одевать великий Дом Предтечи!

Или вспомните тепловатый победный тон церкви Ильи Пророка! Или, наконец, перенеситесь в лабиринт ростовских переходов, где каждая открытая дверка поражает вас неожиданным стройным аккордом красок. Или на пепельно-белых стенах сквозят чуть видными тонами образы; или пышет на вас жар коричневых и раскаленно-красных тонов; или успокаивает задумчивая синяя празелень; или как бы суровым словом канона останавливает вас серыми тенями образ, залитый охрой.

Вы верите, что это так должно было быть, что сделалось это не случайно; и кажется вам, что и вы не случайно зашли в этот Дом Божий и что эта красота еще много раз будет нужна вам в вашей будущей жизни.

Писались эти прекрасные вещи не как-нибудь зря, а так, чтобы «предстоящим мнети бы на небеси стояти пред лица самих первообразных». Главное в том, что работа делалась «лепо, честно, с достойным украшением, приличным разбором художества».

Писали Иверскую икону, обливали доску святою водою, с великим дерзновением служили Божественную литургию, мешали святою водою и святыя мощи с красками; живописец только по субботам и воскресеньям получал пищу; велик экстаз создания древней иконы, и счастье, когда выпадал он на долю природного художника, понявшего красоту векового образа.

Прекрасные заветы великих итальянцев в чисто декоративной перифразе слышатся в работе русских артелей; татарщина внесла в русскую кисть капризность Востока. Горестно, когда многие следы старого творчества поновляются не по драгоценным преданиям.

В царском периоде Руси мы ясно видим чистую декоративность. Строительство в храмах, палатах и частных домиках дает прекрасные образцы понимания пропорций и чувства меры в украшениях. Здесь спорить не о чем!

Бесконечно изумляешься благородству искусства и быта Новгорода и Пскова, выросших на «великом пути», напитавшихся лучшими соками ганзейской культуры. Голова льва на монетах Новгорода, так схожая со львом святого Марка, не была ли мечтою о далекой царице морей — Венеции? (Символика монетных изображений даст еще большие неожиданности. Нумизматика тоже ждет своего художника.) Когда вы вспоминаете расписные фасады старых ганзейских городов,

не кажется ли вам, что и белые строения Новгорода могли быть украшены забавною росписью?

Великий Новгород, мудрый беспредельными набегами своей вольницы, скрыл сейчас от случайного прохожего свой прежний лик, но на представлении о славе новгородской не лежит никаких темных пятен. Представление о Новгороде далеко от тех предвзятых затемнений, которые время набросило на русскую татарщину.

Из татарщины, как из эпохи ненавистной, время истребило целые страницы прекрасных и тонких украшений Востока, которые внесли на Русь монголы.

О татарщине остались воспоминания только как о каких-то мрачных погромах. Забывается, что таинственная колыбель Азии вскормила этих диковинных людей и повила их богатыми дарами Китая, Тибета, всего Индостана. В блеске татарских мечей Русь вновь слушала сказку о чудесах, которые когда-то знали хитрые арабские гости Великого Пути и греки.

Монгольские летописи, повести иностранных посольств толкуют о непостижимом смешении суровости и утонченности у великих кочевников. Повести знают, как ханы собирали к ставке своей лучших художников и мастеров.

Кроме установленной всеми учебниками, может быть иная точка зрения на сущность татар. Вспоминая их презрение к побежденному, к не сумевшему отстоять себя, не покажутся ли символическими многие поступки кочевников? Пир на телах русских князей, высокомерие к вестникам и устрашающие казни взятых в плен? Разве князья своею разъединенностью, взаимными обидами и наговорами или позорным смирением не давали татарам лучших поводов к высокомерию? Если татары, наконец, научили князей упор-

ству, стойкости и объединенности, то они же оставили им татарские признаки власти — шапки и пояса и внесли в обиход Руси сокровища ковров, вышивок и всяких украшений. Не замечая, взяли татары древнейшие культуры Азии и так же невольно, полные презрения ко всему побежденному, разнесли их по русской равнине.

Не забудем, что, кроме песни о татарском полоне, может быть еще совсем иная песнь: «мы, татары, идем».

Из времен смутных одиноко стоят остатки Суздаля, Владимира и сказочный храм Юрьева-Польского. Не русские руки трудились над этими храмами. Может быть, аланы Андрея Боголюбского?

Если мы боимся вспомнить о татарском огне, то еще хуже вспоминать, что усобицы князей еще раньше нарушили обаяние великих созданий Ярослава и Владимира. Русские тараны также били по белым вежам¹ и стенам, которые прежде светились, по словам летописи, «как сыр». И раньше татар начали пустеть триста церквей Киева.

Когда идешь по равнинам за окраинами Рима, то невозможно себе представить, что именно по этим пустым местам тянулась необъятная, десятиллионная столица цезарей. Даже когда идешь к Новгороду от Нередицкого Спаса, то дико подумать, что пустое поле было все занято шумом ганзейского города. Нам почти невозможно представить себе великолепие Киева, где достойно принимал Ярослав всех чужестранцев. Сотни храмов блестели мозаикой и стенописью, скудные обрывки церковных декораций Киева; обрывки стенописи в новгородской Софии; величественный одинокий Нередицкий Спас; части росписи

¹ Шатры, башни.

Мирожского монастыря во Пскове... Все эти огромные большею частью фигуры с лицами и одеждами, очерченными действительными декораторами, все-таки не в силах рассказать нам о расцвете Киева времен Ярослава.

Минувшим летом в Киеве, в местности Десятинной церкви, сделано замечательное открытие: в частной усадьбе найдены остатки каких-то палат, груды костей, обломки фресок, изразцов и мелкие вещи. Думают, что это остатки дворцов Владимира или Ярослава. Нецерковных украшений от построек этой поры мы ведь почти не знаем, и потому тем ценнее мелкие фрагменты фресок, пока найденные в развалинах. В Археологической комиссии я видел доставленные части фрески. Часть женской фигуры, голова и грудь. Художественная малоазиатского характера работа. Еще раз подтверждается, насколько мало мы знаем частную жизнь киевского периода. Остатки стен сложены из красного шифера, связанного известью. Техника кладки говорит о каком-то технически типичном характере постройки. Горячий порыв строительства всегда вызывал какой-нибудь специальный прием. Думаю, палата Рогеров в Палермо дает представление о палатах Киева.

Скандинавская стальная культура, униженная сокровищами Византии, дала Киев, тот Киев, из-за которого потом восставали брат на брата, который по традиции долго считался матерью городов. Поразительные тона эмалей, тонкость и изящество миниатюр, простор и спокойствие храмов, чудеса металлических изделий, обилие тканей, лучшие заветы великого романского стиля дали благородство Киеву. Мужья Ярослава и Владимира тонко чувствовали красоту, иначе все оставленное ими не было бы так прекрасно.

Вспомним те былины, где народ занимается бы-
том, где фантазия не расходуется только на блеск по-
двигов.

Вот терем:

Около терема булатный тын,
Верхи на тычинках точеные,
Каждая с маковкой-жемчужинкой;
Подворотня — дорог рыбий зуб¹,
Над воротами икон до семидесяти;
Серед двора терема стоят.
Терема все златоверховатые;
Первые ворота — вальящетые²,
Средние ворота — стекольчатые.
Третьи ворота — решетчатые.

В описании этом чудится развитие дакийских по-
строек Траяновой колонны³. Вот всадники:

Платье-то на всех скурлат-сукна,
Все подпоясаны источенками,
Шапки на всех черны мурманки,
Черны мурманки — золоты вершки;
А на ножках сапожки — зелен сафьян,
Носы-то шилом, пяты востры.
Круг носов-носов хоть яйцом прокати.
Под пяту-пяту воробей пролети.

Точное описание византийской стенописи.

Вот сам богатырь:

Шелом на шапочке как жар горит;
Ноженки в лапотках семи шелков.
В пяты вставлено по золотому гвоздику,
В носы вплетено по дорогом ухонту,

¹ Моржовый клык.

² Парадные, роскошные.

³ Памятник римского искусства, мраморная колонна, по-
крытая рельефами с военными сценами. Была установлена им-
ператором Траяном около 114 г. в честь победы над даками.

На плечах шуба черных соболей,
Черных соболей заморских,
Под зеленым рытым бархатом,
А во петелках шелковых вплетены
Все-то божьи птичущки певучие,
А во пуговках злаченных вливаны
Все-то люты змеи, зверюшки рыкучие...

Предлагаю на подобное описание посмотреть не со стороны курьеза былинного языка, а по существу. Перед нами детали — верные археологически. Перед нами в своеобразном изложении отрывок великой культуры, и народ не дичится ею. Эта культура близка сердцу народа; народ без злобы, горделиво о ней высказывается.

Заповедные ловы княжеские, веселые скоморошья забавы, мудрые опросы гостей во время пиров, достоинство постройки новых городов сплетаются в стройную жизнь. Этой жизни прилична оправа былин и сказок. Верится, что в Киеве жили мудрые богатыри, знавшие искусство.

«Заложи Ярослав город великий Киев, у него же града суть Златая Врата. Заложи же и церковь Святую Софью, митрополью и посем церковь на Золотых Воротях Святое Богородице Благовещенье, посем Святого Георгия монастырь и Святой Ирины. И бе Ярослав любя церковные уставы и книгам прилежа и почитая е часто в нощи и в дне и списаша книги многы: с же насея книжными словесы сердца верных людей, а мы пожинаем, ученье приемлюще книжное. Книги бо суть реки, напаяющи вселенную, се суть исходища мудрости, книгам бо есть неисчетная глубина. Ярослав же се, любим бе книгам, многы наложи в церквех Святой Софьи, юже созда сам, украси ю златом и серебром и сосуды церковными. Радовашеся Ярослав, видя множество церквей».

Вот первое яркое известие летописи об искусстве. Владимир сдвигал массы. Ярослав сложил их во храм и возрадовался об искусстве. Этот момент для старого искусства памятен.

Восторг Ярослава при виде блистательной Софии безмерно далек от воплей современного дикаря при виде яркости краски. Это было восхищение культурного человека, почуявшего памятник, ценный на многие века. Так было, такому искусству можно завидовать, можно удивляться той культурной жизни, где подобное искусство было нужно.

Не может ли возникнуть вопрос: каким образом Киев в самом начале истории уже оказывается таким исключительным центром культуры и искусства? Ведь Киев создан, будто бы так незадолго до Владимира? Но знаем ли мы хоть что-нибудь о создании Киева? Киев уже прельщал Олега — мужа бывалого и много знавшего. Киев еще раньше облюбовали Аскольд и Дир. Тогда уже Киев привлекал много скандинавов: «и многи Варяги скуписта и начаста владети Польскою землею». При этом все данные не против культурности Аскольда и Дира. До Аскольда Киев уже платил дань хазарам, и основание города отодвигается к легендарным Киею, Щеку и Хориву. Не будем презирать и предания. В Киеве будто бы был и апостол — проповедник. Зачем попал в далекие леса проповедник? Но появление его становится вполне понятным, если вспомним таинственные, богатые культы Астарты Малоазийской, открытые недавно в Киевском крае. Эти культы уже могут перенести нас в XVII–XVI вв. до нашей эры. И тогда уже для средоточия культа должен был существовать большой центр.

Можно с радостью сознавать, что весь великий Киев еще покоится в земле в нетронутых развалинах.

Великолепные открытия искусства готовы также и для наших дней. То, что начато сейчас раскопками Хвойко, надо продолжить государству в самых широких размерах. Останавливаемся на исследовании Киева только потому, что в нем почти единственный путь углубить прошлое страны. Эти вехи освещают и скандинавский век и дают направление суждениям о времени бронзы.

Несомненно, радость киевского искусства создавалась при счастливом соседстве скандинавской культуры. Почему мы приурочиваем начало русской Скандинавии к легендарному Рюрику? До известия о нем мы имеем слова летописи, что славяне «изгнаша Варяги за море и не даша им дани»; вот упоминание об изгнании, а когда же было первое прибытие варягов? Вероятно, что скандинавский век может быть продолжен вглубь на неопределимое время.

Как поразительный пример неопределенности суждений об этих временах нужно привести обычную трактовку учебников: «прибыл Рюрик с братьями Синеусом и Трувором», что по толкованию северян значит: «конунг Рурик со своим Домом (син хуус) и верною стражею (тру вер)».

Крепость скандинавской культуры в Северной Руси утверждает также и последнее толкование финляндцев о загадочной фразе летописи: «земля наша велика...» и т. д. — и о посольстве славян. По остроумному предположению, не уличая летописца во лжи, пресловутые признания можно вложить в уста колонистов-скандинавов, обитавших по Волхову. Предположение становится весьма почтенным, и текст признаний перестает изумлять.

Бывшая приблизительность суждений, конечно, не может огорчать или пугать искателей; в ней — залог скрытых сейчас блестящих горизонтов!

Глубины северной культуры хватило, чтобы напитать всю Европу своим влиянием на весь X в. Никто не будет спорить, что скандинавский вопрос — один из самых красивых среди задач художественных. Памятники скандинавов особенно строги и благородны. Долго мы привыкали ждать все лучшее, все крепкое с Севера. Долго только ладьи с пестрыми парусами, только резные драконы были вестниками всего особенного, небывалого. Культура северных побережий, богатые находки Гнездова, Чернигова, Волховские и Верхне-Поволжские — все говорит нам не о проходной культуре Севера, а о полной ее оседлости. Весь народ принял ее, весь народ верил в нее. И опять нет никакого основания считать северян дикими поработителями родоначальников Новгорода. Доказательство простое — все оставленное ими умно и красиво. Они жили неведомо как, но, во всяком случае, жили долго и жили так, что истинное искусство им было близко.

Варяги дали Руси человекообразные божества, а сколько же времени северные народы чтили силы природы, принадлежали одной из самых поэтических религий! Эта религия — колыбель лучших путей творчества.

Здесь кончаются общедоступные картины.

От жизни осталась одна пыль, от целой грозной кольчуги остался комок железа — из него трудно развернуть всю прежнюю ее величину, и не знающему трудно поверить, что найден не скучный археологический хлам, а частица бывшей, подлинной прелести. Всему народу пора начать понимать, что искусство не только там было, где оно ясно всем: пора верить, что гораздо большее искусство сейчас скрыто от нас временем. И многое — будто скучное — озарится тогда радостью проникновений, и зритель сделается творцом. В этом — прелесть прошлого и будущего. И человеку,

не умеющему понимать прошлое, нельзя мыслить о будущем. Сказочные Hallristningar'ы северных скал, высокие курганы северных путей, длинные мечи, тяжелые фибулы, держащие узорные одежды, заставляющие любить северную жизнь. В любви к ней может быть уважение к первооформленному. За этой гранью мы сразу окунаемся в хаос бронзовых патин. Много или мало искусства в неразборчивых временах?

Чужда ли искусству живоотнообразная финская фантазмагория? Чужды ли для художественных толкований формы, зачарованные Востоком? Отвратительны ли в первых руках скифов переделки античного мира? Полно, только ли грубы золотые украшения полуизвестных сибирских кочевников?

Эти находки не только близки искусству, но мы завидуем ясности мысли обобщения исчезнувших народов. Твердо и искусно укладывались великие для них символы в бесчисленные варианты вещей. Даже безжалостный спутник металла — штамп — не мог погубить врожденных исканий искусства. В таинственной паутине веков бронзы и меди опасно разбираемся мы. Каждый день приносит новые выводы, каждое приближение к этой груде дает новую букву жизни. Целый ряд блестящих шествий! Перед глазами еще сверкает Византия золотом и изумрудом тканей, эмалей, но внимание уже отвлечено.

Мимо нас проходят пестрые финно-тюрки. Загадочно появляются величественные арийцы. Оставляют потухшие очаги неведомые прохожие... Сколько их! Из их даров складывается синтез действительно неонационализма искусства. К нему теперь обратится многое молодое. В этих проникновениях — залог здорового сильного потомства. Если вместо притупленного национального течения суждено сложиться обаятельному «неонационализму», то краеугольным его

сокровищем будет великая древность — вернее, правда и красота великой древности.

Еще полуслепые, ищем мы подлинный облик обитателей прекрасных городищ. Еще не прозревшие, чувствуем прелесть покинутых культов природы, о чем совершенно не в силах передать нам древнейшие летописи христианского времени. Звериный обычай жизни, бесовские игрища, будто бы непристойные песни, о которых толкует летописец, подлежат большему обсуждению. Пристрастие духовного лица — летописца — здесь слишком понятно. Церковь не приносила искусство. Церковь на искусстве становилась. И, создавая новые формы, она раздавливала многое, тоже прекрасное.

После скандинавского века всякая достоверность исчезает. Приблизительность доходит до нескольких столетий. Мы только можем знать, что для жизни требовались красивые вещи, но какая была жизнь, какие именно требовались предметы искусства, как верили в это искусство бывшие жители — мы не знаем.

За четыре тысячи пятьсот лет до нашей эры расцветала культура Вавилона; знаем кое-какие буквы ее, но сложить сказку из них — пусть попробуют специалисты! Глубины бронзы и меди неразборчивы. Неразборчивы особенно, если мы захотим не сходить с русских территорий. Греция, Финикия! Какие непостижимые следствия должны были они производить среди местных населений. Конечно, если мы упрекали время русской усобицы в понижении смысла украшений, то и в веках бронзы мы, естественно, найдем моменты жизни, когда в переходном движении значение искусства затемнялось. Неумелое пользование новым сокровищем — металлом — отодвигало настоящую художественность. Но ведь время темных веков железа,

бронзы и меди очень длинно. Неясность здесь прости- тельна, тем более что творчество в одном направле- нии шло безостановочно, а именно в творчестве ор- намента. Культ священных узоров благодатной паути- ной окутывал человечество. Скромная мордовка или черемиска не могут постичь, достояние скольких де- сятков веков на ней надето сейчас!

Но чувствуем, что штампование жизни кончается. Национальность кончается. Условности политической экономии кончаются. Кончается толпа. Не кончается искусство. Выступает какой-то новый человек. Значит, мы подошли к векам камня.

В разных периодах жизни Руси мы видели радость искусства. Чем глубже, тем волны этой радости неожи- даннее, разделеннее, но гребни волн были все-таки высоки. По вершинам этой радости бегло прошли мы всю жизнь. Мы видели, что и после блеска Киева и скандинавского века понятие «украшать» могло быть столь же чистым, столь же высоким, как и в наиболее блестящие эпохи.

Пусть многие по-прежнему недоверчиво косятся на затемненную археологию, отрезают ее от искусства. Да- же самоотверженный любитель не содрогнется ли от неизвестности при приближении к каменному веку? Такая древность слишком далека от нашего представ- ления о жизни. Когда вам кажется, что вы поняли часть древнейшей жизни, не думаете ли вы, что безоружным глазом вы точно усмотрели клочок звездного неба?

Именно радость искусства время сохранило для нас также из эпохи камня.

Забудем сейчас яркое сверкание металла; вспо- мним все чудесные оттенки камней. Вспомним бла- городные тона драгоценных мехов. Вспомним па- тины разноцветного дерева. Вспомним желтеющий

тростник. Вспомним тончайшие плетения. Вспомним крепкое, здоровое тело. Эту строгую гамму красок будем вспоминать все время, пока углубляемся в каменный век.

II

Уловим ли мы биение всей незапамятной жизни? Или только возможно пока установить точку зрения на такую непомерную древность?

Что слышно оттуда?

«Анге-патою ударила в гнев кремнем. В блестящих искрах создались боги земли и воды, лесов и жилищ. Кончила дело свое Анге-патою и бросила наземь кремень, но и он стал богом: ведь она не отняла от кремня творящую силу. Стал кремень богом приплода, и на дворе или под порогом дома маленькая ямка прикрыта кремневым божком — Кардяс-сярко».

Так в предании населила землю богами Ерзя, часть мордвы.

Сравним эту красивую легенду с преданием Мексики: «На небе мексиканском был некогда бог Цитлал Тонак, Звезда Сияющая, и богиня Цитлал-Куэ, она что в рубахе звездной. Эта звездная богиня родила странное существо — кремневый нож. Другие их дети, пораженные этим странным порождением, сошвырнули его с неба. Кремневый нож упал, разбился на мелкие кусочки, и среди искр возникли тысяча шестьсот богов и богинь».

Космогония Ерзи не хуже замыслов мексиканских.

«Каменным ножом зарежешь барана», — заповедует жертвенный ритуал Воти.

«Грозовая стрелка боль облегчает, в родах помогает», — шепчут знахарки.

«Великаны в лесу каменный топор хоронили», — помнят потомки еми и веси...

Много преданий! В каждом племени и сегодня живет таинственная основа каменного века. Обычаи и верования вместе с трудночеткими рунами орнамента толкуют все о том же «доисторическом времени». Называем его «доисторическим», хотя оно стоит во все не особняком. Наоборот, оно плотно вплетается в эпохи истории; часто питает эти эпохи лучшими силами. Где границы жизни без металлов?

Мы привыкаем искать наше искусство где-то далеко. Понятие наших начал искусства становится почти равнозначным с обращением к Индии, Монголии, Китаю, или к Скандинавии, или к чудовищной фантазии финской. Но, кроме дороги позднейших заносов и отражений, у нас, как у всякого народа, есть еще один общечеловеческий путь — к древнейшему иероглифу жизни и пониманию красоты. Путь через откровения каменного века. Предскажем, что в поисках лучшей жизни человечество не раз вспомнит о Freiherr'ах древности; они были близки природе, они знали красоты ее. Они знали то, чего мы не ведаем уже давно.

Цельны движения древнего, строго целесообразны его думы, остро чувство меры и стремления к украшению.

Понимать каменный век как дикую некультурность будет ошибкою неосведомленности. Ошибкой обычных школьных путей. В дошедших до нас страницах времени камня нет звериной примитивности. В них чувствуем особую, слишком далекую от нас культуру. Настолько далекую, что с трудом удастся мысль о ней иным путем, кроме уже избитой дороги — сравнения с дикарями.

Вполне допустимо: загнанные сильными племенами, вымирающие дикари-инородцы с их кремневыми

копьями так же похожи на человека каменного века, как идиот похож на мудреца. Осталось несколько общеродовых жестов, но они далеки от настоящего смысла. Человек каменного века родил начала всех блестящих культур, он мог сделать это. От инородца — нет дороги, он даже утрачивает всякую власть над природой.

Но в страхе борьбы, в ошибках достижений затемнился феномен бытия. Культуры разветвились слишком. Дуб всемирного очага разросся безмерно, мы боязливо путаемся в его бесчисленных ветках. В стремлении к чеканке форм жизни мы должны очищать далекие закрытые корни. И вот мы, кичливые владычеством металлов, поняли. Только очень недавно поняли: пыльный проходной первый зал музеев не есть печальная необходимость, не есть темное пятно родословной. Он есть первейший источник лучших заключений. Мера почтения к нему такова же, как мера удивления перед тайной жизни десятков тысячелетий. Подумайте, десятков!

Площади богатых огромных городов донесли до нас кучу шлаков, несколько обломков бронзы и груды камней. Но мы знаем, что дошедшее до нас — не мерило протекшей жизни. В печальных остатках мы видим усмешку судьбы. Так же и жизнь каменного века — не в тех случайных кремневых осколках, которые пока попадают нам в руки. Эти осколки — тоже случайная пыль большой жизни, длинной бесконечно!

Особенная тайна окружает следы каменного века. Ничто иное, но каменные остатки всегда и даже до сих пор относятся к небесному происхождению.

Какие только боги не метали находимые в земле копья и стрелы!

Не только классический мир не сумел отгадать настоящее происхождение каменных орудий, но и все

Содержание

Радость искусству	5
Подземная Русь	39
Иконы	50
Великий Новгород	51
На кургане	61
По пути из «варяг в греки»	83
Древнейшие финские храмы	99
Матери Городов	111
По старине	117
Бесстрашие	135
Невидимки	137
Бывшее и будущее	142
Новые грани	146
Жизнь вечная	149
Свет опознанный	154
Одеяние духа	158
Видения	167
Безумия	172
Оттуда	176
Звезды смерти	181
Особенное	189
Внимательность	190
Парапсихология	194

Мистицизм	200
Крылатая чума	201
Туда и оттуда	205
Эпидемии	208
Мысль	211
Сущность	216
Истинная сила	221
Знак эры	224
«Совершенно новое»	232
Бичи	236
Борьба с невежеством	241
Следы мысли	250
Ученые	254
Изучение жизни	259
Каменный дождь	264
Потустороннее	268
Неисчерпаемость	272
Дружелюбие!	275
Мера искусства	279
Чуткость	281
Влечение	284
Стойкость	289
Скорее!	292
Твердыня пламенная	296
Силомеры	310
Терпимость	315
Оружие Света	320
Качество	327
Туман	332
Алмаз	337
Действие	346
Право входа	350
Монсальват	353

Взаимность	358
Неприязнь	362
Нереченное	366
Испытания	370
Звезда Матери Мира	374
Сопротивление злу	383
Бог	388
Corason	395
Восхождение	399
Остров Слез	403
Глаз добрый	434
Питание	436
Волны жизни	440